

Герменей. Журнал философских переводов
том 3

Москва
«Книга по Требованию»

УДК 101
ББК 87
Г38

Г38 Герменя. Журнал философских переводов: том 3 / – М.: Lennex Corp, — Подготовка макета: ООО «Книга по Требованию», 2013. – 160 с.

ISBN 978-5-458-47209-8

Журнал философских переводов

Ἑρμηνεία

Журнал философских переводов

№1 (3) 2011

Главный редактор *Олег Матвейчев*

Дизайн и верстка *Сергей Зиновьев*

Корректор *Елена Макеева*

Содержание

Жан Бодрийяр. Симуляция. <i>Перевод А. Л. Анисина</i>	3
Дж. Дуглас. Понятие поэтической истины у Хайдеггера. <i>Перевод О. Матвейчева</i>	13
Х. Патнэм. Вопрос о реализме. <i>Перевод И. Джохадзе</i>	20
С. Кьеркегор. Евангелие страданий. Христианские беседы. <i>Перевод А. В. Лызлова</i>	37
Клаус Мюллер. О возможности и необходимости говорить сегодня о Боге. <i>Перевод Д. Чепеля</i>	144

Симуляция

ЖАН БОДРИЙЯР

*Baudrillard Jean. Die Simulation / Wege aus der Moderne:
Schlüssel-Texte ol. Postmoderne-Diskussion. Weinheim:
VCH, Acta Humanoria, 1988.
Перевод с немецкого А. Л. Анисина*

Метафизика кода

Великие симулякры, созданные людьми, переходят от универсума естественных законов к универсуму сил и силовых напряжений, а в настоящее время — к универсуму бинарных структур и противоречий. После метафизики сущности и явления, после метафизики энергии и детерминизма сейчас приходит метафизика индетерминизма и кода. Кибернетический контроль, производство посредством моделей, дифференциальная модуляция, feed-back (пароль—отзыв. — *Примеч. перев.*), вопрос / ответ — все это новая, операционная взаимосвязь (в то время как индустриальные симулякры были лишь оперативными). Дигитальность есть ее метафизический принцип (чем был Бог у Лейбница), а ДНК — ее порок. Действительно, сегодня «генезис симулякров» достигает в генетическом коде своей совершенной формы. В высшем пункте все более нарастающего уничтожения отзывов и финальностей потери подобий и обозначений открывают дигитальный и программный знак, чья «стоимость» определяется чисто тактически через пересечение с другими сигналами (информационная корпускула / тест) и чья структура есть микромолекулярный код команды и контроля.

Проблема знака, вопрос о его разумном определении, о реальном и воображаемом в нем, о его вытеснении, его извращении, об иллюзии, которую он представляет, о том, что он умалчивает, или о его побочном значении — все стирается на этом уровне. Можно было уже наблюдать, как знак первого порядка, сложный и полный иллюзий, превращается машинами в неуклюжий, тупой, индустриальный, повторяющийся, оперативный, эффективный знак без отзвуков. Но какая еще более радикальная

мутация произошла у непрочитаемых и неинтерпретируемых знаков кода, которые, как некая программная матрица, удаленная на расстояния световых лет, захоронены в основе биологического тела — black box, где и производятся все команды и ответы? Покончено с театром репрезентации, пространством знака, его конфликтов, его молчания, остался лишь black box кода, молекула, от которой исходят сигналы, просвечивающие нас вопросами / ответами и пересекающиеся в качестве сигнальных лучей, которые не разрушающе контролируют нас с помощью программы, вписанной в наши собственные клетки. Раковые клетки, электронные элементы, партийные ячейки, микробиологические клетки (обыгрываются различные значения слова *Zelle*. — *Примеч. перев.*) — речь всегда идет о поиске наименьших неделимых элементов, чей органический синтез совершается соответственно данности кода. Но сам код есть нечто иное, чем генетически генерирующая клетка, в которой мириады схем и комбинаций продуцируют все вопросы и все мыслимые развязки с принуждением к решимости (на что?). Для этих вопросов (информативных и сигнализирующих возбуждение) не имеется другой финальности, кроме как ответа, который заложен генетически или слегка варьирован крохотными и случайными отличиями. Голо-линейное и одномерное пространство — это пространство клетки, в котором беспрестанно продуцируются те же самые знаки, как тоска заключенного, помещенного в одиночестве и однообразии. Это генетический код: молчаливо установленная, неподвижная дискета, и мы лишь ее считывающие ячейки. Вся аура знака, само значение разрешается от детерминации: все разрешается в инскрипции и декодировании.

Это есть симулякр третьего порядка, наш симулякр; это есть «мистическое изящество бинарной системы нуля и единицы», из которой выходят все живые существа; это есть статус знака, который равно является концом сигнификации, — ДНК или операционная симуляция.

Тактильное и дигитальное

Управление посредством моделей генетического кода вовсе не ограничивается лабораторными изысканиями или сумасбродными представлениями теоретиков. Сколь угодно банальнейшая жизнь насквозь проникнута этими моделями. Дигитальность среди нас. Она есть то, что во всех сообщениях, во всех знаках привидениями обступает наше общество. Конкретнейшая форма, в которой можно ее схватить, состоит в тесте, в вопросе / ответе, в стимуле / реакции. Все содержания нейтрализуются через непрестанную процедуру гибкого опроса, декодирующих вердиктов и ультиматумов, которые хотя не происходят более от осно-

ваний генетического кода, но обладают своей тактической индетерминированностью. Цикл значения бесконечно укорачивается при этом до цикла вопроса / ответа, бита, наименьшего единства энергии / информации, которое отсылает обратно к своему исходному пункту и при этом демонстрирует лишь постоянную реактуализацию тех же самых моделей. Эквивалент этому совершенному нейтрализованию сигнификата через код — в коротком веке модных вердиктов или любого другого обращения рекламы и посредничества. Это так — всюду, где предложение поглощает спрос, где вопрос поглощает ответ или адсорбирует и дает его вновь от себя в декодируемой форме, или изобретает в предвидимой форме, или предвосхищает. Повсюду один и тот же «сценарий», сценарий «trial and error» (как у морских свинок в лабораторном тесте), некий сценарий возможностей выбора, которые обнаруживаются всюду («Тестируйте свою личность»), — всюду тест как фундаментальная общественная форма контроля через бесконечную делимость способов поведения и ответов.

Гиперреализм симуляции

Все это определяет некое дигитальное пространство, некое магнетическое поле кода с поляризованиями, разрушениями, гравитациями моделей и непрерывным потоком мельчайших дизъюнктивных единств (вопрос / ответная ячейка, которая является, таким образом, чем-то вроде кибернетического атома сигнификации). Нужно принять во внимание различие, существующее между этим полем контроля и традиционной репрессивной сферой полиции, соответствующей сигнификативному насилию. Это была сфера кондиционирования рефлексов, которая руководствовалась еще павловской экспериментальной установкой программированной повторяющейся (repetitiven) агрессии и которую вновь обнаруживают в различных степенях в постоянной долбежке вербовочных лозунгов и политической пропаганды тридцатых годов. Ремесленное и индустриальное насилие, которое преследует цель произвести запуганное и животнопослушное поведение. Все это не имеет больше смысла. Тоталитарная, бюрократическая концентрация есть некая схема, которая возвращает к эпохе рыночных законов стоимости. Система эквивалентностей тем временем делает необходимым всеобщий эквивалент и тем самым централизацию глобального процесса. Это архаическая рациональность в сравнении с рациональностью симуляции: там не имеется более всеобщего эквивалента, но некое набрасывание веера моделей перенимает регулирующую функцию, а также не имеется более формы всеобщего эквивалента, но форма дистинктивных оппозиций. От выразительного приказа переходят к программированию посредством

кода, от ультиматума — к перманентному давлению, от принужденной пассивности — к моделям, которые были с самого начала сконструированы в соответствии с «активной реакцией» субъекта, рассчитывали на его втягивание, на его причастность «в качестве игрока» вплоть до модели тотального «окружения» из без паузных спонтанных ответов, из восторженных feed-back'ов и мимолетных контактов. Это есть, по определению Николя Шёффера, «конкретизирование всеобщего настроения».

Это есть великий праздник причастности: он состоит из мириад стимулов, из миниатюрных тестов, из безгранично делимых вопросов / ответных пар, которые все магнетизированы какими-либо великими моделями в поле кода.

Великая культура тактильной коммуникации стоит на пороге под знаком техно-люмино-кинетического пространства и тотального пространственно-динамического театра!

Вся мнимая сфера контакта, сенсорного приспособления, тактильного мистицизма, в конечном счете вся экология позволяют перенести себя на этот универсум операционной симуляции. Делают привычным для себя этот постоянный тест успешного приспособления посредством ассимилирования животного миметизма («Приспособление животных к цветам и формам их окружения является также пригодной моделью для человека»). Никола Шёффер), а также индейцев с их «врожденным чувством экологии»! Тропизмы, мимикрия, эмпатия: целое экологическое евангелие открытых систем, с негативной и позитивной feed-back (обратной связью. — *Примеч. перев.*) втискивается в эту брешь — их идеология систем управления посредством информации, которое, однако, приспособленное к некоей более гибкой реальности, есть, конечно, не более чем преобразование павловских рефлексов. Так перешли в кондиционировании духовного здоровья от электрошока к выразительному обучению тела. Устройства власти и постоянного принуждения создают всюду место более диффузным устройствам окружения, которые действуют посредством операционализации представлений, потребностей, восприятий, желаний и т. д. Некая универсальная экология, мистицизм «ниш» и общей взаимосвязи, симуляция среды, которая идет даже вплоть до «центров эстетических и культурных импульсов», предусмотренных в VII плане (почему бы и нет?), а также вплоть до «центра сексуального оформления свободного времени», который выстроен в форме груди и «обещает потрясающую эйфорию в возбуждающей атмосфере... Рабочему всех классов эти центры будут доступны». Равное пространственно-динамическое очарование, как в том тотальном «театре», который набросан как некий круговой (формы), гиперболический, вращающийся вокруг цилиндрической оси аппарат: не имеется больше ни сцены, ни дистанции, ни «взгляда»: здесь конец зрелища, зрителей, имеется только лишь тотальное, сливающееся, тактильное, эстетиче-

ское (и не эстетическое уже) окружение. Только с черным юмором можно еще думать при этом о тотальном театре Арто, о его театре жестокости, чья пространственно-динамическая симуляция есть чудовищная карикатура. Жестокость в нем заменяется через минимальный и максимальный «порог стимуляции» и через изобретение «рассчитываемого на основе порога насыщения кода восприятия». Даже добрый старый «катарсис» из классического театра страстей становится сегодня посредством симуляции гомеопатическим. Такая сложилась ситуация с творчеством.

Реальность тонет в гиперреализме, в буквальном удвоении реального, преимущественно на основе других репродуктивных средств — реклама, фото и т. д. — и от средства к средству реальное испаряется, оно становится аллегорией смерти, но и в этом своем разрушении оно утверждает и надстраивает себя: оно становится реальным совершенно, фетишизм потерянного объекта — уже не объект репрезентации, но экстатическое отречение и ритуальное изгнание самого себя: гиперреальное.

Реализм уже возвещает эту тенденцию. Уже риторика реального сигнализирует, что его статус значительно изменен (золотой век есть век невинности языка, который не должен удваивать ничто из того, что он говорит об опечатке реальности). Сюрреализм еще солидарен с реализмом, которым он пренебрегает, однако он уже удваивает посредством своего вторжения в иллюзорное. Гиперреальное — намного дальше ушедшая стадия, в которой стираются даже противоречия между реальным и иллюзорным. Ирреальность есть не более чем ирреальность сна или фантазма, посю- или потустороннего, это ирреальность галлюцинирующего подобия реального с самим собой. Для того чтобы преодолеть кризис репрезентации, нужно заключить реальное в чистом повторении. Эта тенденция показывает себя, прежде чем всплывает в поп-арте и неореалистической живописи, в «*poisveau roman*». Уже там существует интенция создать вокруг реального некую пустоту, элиминировать всю психологию, всю субъективность и все отдать на откуп чистой объективности. Но на деле эта объективность есть не что иное, как объективность чистого взгляда — некая объективность, наконец-то освобожденная от объекта, который есть не более чем слепое реле ощупывающего взгляда. Некое круговое возбуждение, в котором легко узнать бессознательную попытку не быть более увиденным.

Именно это впечатление пробуждает неороман: эта мания исключить смысл из слепой и педантичной реальности. Синтаксис и семантика исчезли — не имеется более проявления объекта, только лишь его голое прицитирование, ожесточенное протоколирование его рассыпанных фрагментов — ни метафоры, ни метонимии, только лишь беспробельная имманентность под полицейской инстанцией взгляда. Эта «объективная» микроскопия создает опьянение реальностью, опьянение смертью у границы

репрезентации ради репрезентации. В прошлом старые иллюзии о рельефе, перспективе и (пространственной и психологической) глубине, которые соединялись с восприятием объекта: оптика вообще, все зрительное, которое операционно направлено на поверхность вещи, взгляд как таковой стал молекулярным кодом объекта.

Имеются различные выражения этой возбуждающей головокружение реалистической симуляции:

1. Разложение реального в его подробностях — законченное парадигматическое преломление объекта, говоря попросту — линейность и сериальность частичного объекта.
2. Основательное восприятие: все действия по умножению и распределению объекта в его подробностях. Эта демультипликация выдает себя за глубину и даже за критический метаязык, это относится, без сомнения, также к рефлексивной связности языка, к диалектике отражения. Но между тем это безграничное разрушение есть не более чем некий тип сервильности: реальное посредством этого не рефлексивируется более, оно подвергается обратному развитию и редуцируется.
3. Собственно сервильная форма (Andy Warhol). В ней устранено не только синтагматическое, но и парадигматическое измерение, ибо не имеется более флексии форм, ни даже имманентной рефлексии, но только лишь рядоположение одинаково — флексия и рефлексия равны нулю. Как те две сестры-близняшки на эротической фотографии: чувственная реальность их тел стирается одинаковостью. Как можно о них мечтать, если красота одной непосредственно удваивается красотой другой? Взгляд может лишь идти от одной к другой, всякое различие ограничено этим туда-сюда. Некая субтильная форма умерщвления оригинала, но также и единственное в своем роде возбуждение, у которого всякое внимание, какое могло бы быть направлено на объект, посредством бесконечного его разрушения отклоняется в самое себя (перевернутый сценарий платоновского мифа о соединении двух разорванных половинок некоего символа — здесь разделяется признак (в том виде. — *Примеч. пер.*) как он создает одноклеточные существа). Это очарование равно, пожалуй, очарованию смерти, в том смысле, что для нас, половых существ, смерть возможным образом не означает НИЧТО, но просто лишь предшествующую половой дифференциации форму размножения. Производство посредством модели в бесконечном ряду действительно снова включает способ размножения одноклеточных и противопоставляет себя ему, который связан для нас с жизнью.
4. Но этот чистый автоматизм, несомненно, только парадоксальное обострение: подлинная генеративная формула, которая включает в себя все другие и известным образом является стабилизиро-

ванной формой кода, — это есть формула бинарности, дигитальности — не чистого повторения, но минимального отклонения, минимальной модуляции между двумя терминами; это называется «наименьшая общая парадигма», которая могла бы сохранять в силе функцию смысла. Эта симуляция, эта комбинаторика внутреннего расчленения образного предмета, как и предмета потребления, редуцирует и суживает себя в современном искусстве так сильно, что, в конце концов, есть только лишь крохотное отличие, которое отделяет гиперреальное от гиперживописи. Эта последняя прикидывается, что, в противоположность реальному, редуцирует себя вплоть до самоуничтожения, но известно, что все очарование этой живописи пробуждается к новой жизни в этом крохотном отличии: вся живопись скрывается в эту узкую полоску, которая отделяет разрисованную поверхность от художника. И в подпись метафизический знак для всей метафизики репрезентации, пока она наконец не берет саму себя в качестве модели («чистый» взгляд) и вращается вокруг самой себя в насильственном повторении кода.

Действительная дефиниция реального гласит: то, с чего можно изготовить эквивалентную репродукцию. Она возникает в то же время как наука, которая постулирует, что процесс может быть точно репродуцирован при заданных условиях, и как индустриальная рациональность, которая постулирует универсальную систему эквивалентностей (классическая репрезентация не является эквивалентностью, она есть транскрипция, интерпретация, комментарий). В конце этого процесса развития репродуцируемости реальное есть не только то, что может быть репродуцировано, но и то, что всегда уже репродуцировано. Гиперреальное.

Означает ли теперь это конец реального и конец искусства посредством того, что оба совершенно переходят одно в другое? Нет. Гиперреализм есть вершина искусства и вершина реального на уровне симулякров посредством взаимного обмена привилегиями и предрассудками, которые лежат в их основе. Гиперреальное не по ту сторону репрезентации, потому что оно полностью в симуляции. Кружение репрезентации прокручивается при этом, но в некоем иллюзорном сумасшествии, которое, уйдя далеко от того, чтобы быть эксцентричным, кокетничает с центром, со своим безграничным повторением. Аналог к внутреннему эффекту дистанцирования во сне — при котором говорят себе, что спят, но что само есть лишь оценка и продолжение сна — гиперреализм образует интегрирующий составной элемент кодируемой реальности, которую он увековечивает и при которой он не меняется.

На самом деле должно интерпретировать гиперреализм в точности наоборот: сама реальность сегодня гиперреалистична. Уже сюрреализм знал ту тайну, что банальнейшая реальность может

стать сюрреальной, но в особенные моменты, в которые искусство и иллюзорное становятся видимы. Сегодня это по-другому: отныне вся повседневная, политическая, социальная, историческая и экономическая реальность воплощает симулирующее измерение гиперреализма: повсюду мы живем уже в этой «эстетической» галлюцинации реальности. Старый лозунг «Реальность превосходит функцию», который отвечал еще сюрреалистической стадии этого эстетизирования жизни, устарел. Не имеется более функции, которой могла бы быть противопоставлена, к тому же еще победоносно, жизнь, вся реальность переведена в игру реальностью — радикальное протрезвление, холодная и кибернетическая стадия следует после горячей и фантазмной фазы.

Поэтому вина, страх, смерть могут быть заменены совершенным наслаждением от знака или вины, страха, отчаяния, насилия и смерти. Именно на этом основана эйфория симуляции, которая хочет причину и действие, исток и цель снять и заменить через удвоение. Таким образом, закрытая система оберегает себя равно от референтов и от страха перед референтами — так, что она тем самым опережает всякую метафизику, что она оперирует со своим собственным метаязыком, т. е. тем, что она удваивает себя своей собственной критикой. В симуляции металингвистическая иллюзия удваивает и завершает иллюзию реферативную (патетическая галлюцинация знака и патетическая иллюзия реального).

«Это цирк», «это театр», «это кино», старый язык, старые, натуралистические различия. Об этом сейчас не идет больше речь, сейчас речь идет о том, чтобы сделать из реального некий спутник, запустить его на орбиту, где реальное вращается вместе с фантазмами, которые раньше иллюстрировало — сейчас неотлично и без общей меры. Это «сателлитизирование», впрочем, стало материальным в формуле «две-комнаты-кухня-душ», которая используется в последней лунной ракете на орбите, можно сказать: возвысилась до мощи мирового пространства. Если даже повседневность земного жилища возносится в ранг космической ценности, абсолютного оформления — гипостазируется в мировом пространстве, то это означает конец метафизики, начинается век гиперреальности¹. Но пространственная трансценден-

1. Понятие реальности соотносит свое поведение с резервом иллюзорного, который дает ему его специфический вес. Это относится в равной мере к исследованию Земли и мирового пространства: тут не имеется неоткрытых, предоставленных воображаемому территорий, потому что вся территория вскрыта картой, исчезает такая вещь, как принцип реальности. Завоевание мирового пространства означает в этом смысле категорическое начало утраты земных рамок относительности. Утрата реальности как внутренней взаимосвязи органического мира осу-